

Искусство должно быть молодым

О театральных студиях

Часто приходится слышать вопрос:

— Можно ли посмотреть в московских театрах что-нибудь захватывающее, увлекательное?

И ответ:

— «Гамлет» у Охлопкова (заметьте, говорят у Охлопкова, а не в таком-то театре), «В добрый час!» в Центральном детском. Это обязательно, непременно надо видеть.

В прошлом году называли «Грозу» у того же Охлопкова, «Баню» в театре Сатиры, «Годы странствий» в театре имени Ленинского комсомола.

А еще?

И тут наступит замешательство. Театров много, спектаклей еще больше. А много ли можно увидеть такого, что прочно удержалось бы в памяти зрителя, оставило бы в ней след если не на всю жизнь, то хотя бы до следующего посещения театра. Слышком часто бывает так, что мы заняты спектаклем только на протяжении тех трех—четырёх часов, которые проводим в зрительном зале. А на утро уже и не думаем о том, что видели. Не возникает у нас желания вспомнить, мысленно или в беседе с друзьями поспорить о виденном. А какое же это искусство — без спора, без полемики, без страстного отстаивания своих художественных принципов?

Метод социалистического реализма даёт широчайший простор для самого смелого полёта творческой фантазии, многообразия стилей и жанров, непрерывающихся поисков нового. И не секрет, что именно в борьбе с серостью, с упрощённым пониманием реализма рождаются захватывающие, увлекательные и, что особенно важно, всегда самостоятельные и оригинальные по стилю, несхожие по средствам выражения спектакли.

Каждый театр имеет право на своё, только ему присущее слово в искусстве. Всем хорошо известно, что Художественный театр рождался и утверждал себя в споре и борьбе с канонами омертвевшего, рутинного театра. Его деятельность на протяжении десятков лет шла под девизом утверждения новых, открытых им принципов реалистической игры. С полемической программой начинал свою жизнь театр имени Вахтангова. Развивал мхатовские открытия, выросший из МХАТ, этот театр искал свои пути. Новую творческую программу утверждали и театр Революции (пыле имени Маяковского), и театр имени Моссовета, и театр имени Ермоловой. И когда мы перечисляем лучшие достижения наших театров, мы всегда с благодарностью вспоминаем именно ту неповторимость и то своеобразие, которые создали им славу и которые теперь, к сожалению, во многом забыты и растеряны.

Почему нередко в разных театрах мы видим одинаковое? Однообразие репертуара (не столько в смысле одинаковых названий, сколько в смысле жанровой и тематической неприхотливости), примелькавшаяся, стандартная обрисовка характеров, одна и та же манера игры, паблонные принципы декоративного оформления. Право же, иногда начинает казаться, что мы бываем все время в одном и том же театре, показывающем свои спектакли на разных сценических площадках.

Что же этому причиной? Преждевременная успокоенность руководителей театров, когда-то державших, искавших, споривших, а сейчас предпочитающих мирно почивать на лаврах? Инерция успеха?

Возможно, что все это в отдельных случаях в какой-то степени имеет место. Но думается, что одними призывами, обращениями к художественному руководству театров, нельзя исправить положение. Попробуем выдвинуть практические предложения. Если этих предложений окажется недостаточно, нам помогут и другие. Ведь вопрос этот волнует всех, кто любит театр, и желающих откликнуться найдется немало.

Есть такое заманчивое слово — студия. В свое время студиями были многие сегодняшние «солидные» театры. Так, в недрах Художественного театра зародилась вахтанговская студия, ставшая впоследствии самостоятельным коллективом. И самое замечательное, что основоположники МХАТ Станиславский и Немирович-Данченко не только не препятствовали начинаниям театральной молодежи, во многом полемизировавшей со своими учителями и воспитателями, а, наоборот, всячески помогали своим «оппонентам» старь на ноги, у-

верждать и развивать новые творческие принципы. Если бы Станиславский и Немирович-Данченко тормозили эту действительную творческую полемику или не способствовали ее развитию, советский театр никогда не обогатился бы несколькими замечательными, яркими, самостоятельными коллективами, сыгравшими каждый свою, только ему присущую роль в истории развития нашего искусства.

Студия — это мастерская, лаборатория, в которой театральная молодежь самостоятельно или под руководством одного из старших мастеров ищет, творит, дерзает, возможно, и ошибается (а это неизбежно!), создавая театр такого направления, которое ближе всего именно этой творческой группе.

Нас могут спросить: так что же, вы хотите, чтобы студии заменили существующие театры? Конечно, нет. Речь идет совсем не об этом. Нужно дать подлинный простор творческой инициативе молодежи — молодым драматургам, молодым режиссерам, молодым актерам, молодым художникам.

Молодежные студии нужны сейчас, как воздух. И разговор о них — не праздный, не досужий, он подсказан жизнью, и не случайно, что его горячо ведет вся наша театральная общественность.

Студии могли бы помочь и самой главной задаче — рождению новой драматургии. Ведь крайне мало число прорывающихся на сцену талантливых, острых и ярких пьес — наибольшая беда, влекущая за собой и все остальные беды: бедность, серость и одинаковость многих спектаклей.

Вот как бывает обычно при нынешней практике связи театров с молодыми авторами. Драматург принес в театр пьесу, которая признана интересной. Группа молодых актеров охотно взялась бы ее сыграть. Она увлечена пьесой. Но тут вырастают неожиданные препятствия. Или пьеса не находит отклика у руководства театра, а если даже и находит, то вдруг выясняется, что она «не влезает» в репертуарный план. Начинаются бесконечные оттяжки и проволочки, и запал пропадает.

Надо прямо говорить о том, что многие театры отучились экспериментировать, некоторые руководители боятся риска. Родилось страшное понятие «верняк», пагубное для искусства. А если бы при театрах появились студии, они стали бы лабораториями театрального опыта, и с их помощью увидели бы свет и многие талантливые, но не «верняковые» пьесы.

Деятельность студий оживила бы и жизнь театров — вызвала бы здоровое желание творческой конкуренции, желание не отставать от новых начинаний, не стареть духовно. Искусство не имеет права стареть. И дело здесь, конечно, не в возрасте, а в духовной молодости художника, в той дерзавшей молодости, которой обладают и широко известный и популярный Охлопков, режиссер постановки «Гамлета», и дебютант Эфрос, поставивший «В добрый час!».

Вопрос о студиях — вопрос не новый. У нас есть богатый опыт. Уже говорилось о студиях, из которых родились театры. Были и другие удачные эксперименты. Навсегда врезался в память плодотворный опыт Московской студии, которую обычно называют «Арбузовской». Ее в свое время создала группа молодых энтузиастов — начинающих литераторов и актеров, которыми руководили драматург А. Арбузов и режиссер В. Плучек. Те, кто видел спектакли студии, до сих пор хорошо помнят их высочайший романтический нафос и ту поэтическую простоту их решения, которая далека от примитивного упрощенчества.

Начинанию молодежи шли навстречу. Им было выделено помещение в центре Москвы — клуб текстильщиков в Каретном ряду со зрительным залом на 600 мест. Здесь была показана драматическая поэма о юных строителях Комсомольска-на-Амуре «Город

на заре», в создании и постановке которой участвовали все студии.

Но когда в последние годы отдельные группы артистической молодежи пробовали создавать новые студии, работали ночами, совмещая это с основной деятельностью в театрах, показывали свои спектакли то в студенческих клубах, то даже в клубах режиссеров, их никто не поддержал, никто им не помог, хотя многие видные деятели искусства видели эти спектакли и одобряли их, но отзвывались.

Итак, что студийная форма не является единственной. Это лишь одно из средств борьбы за непрерывающуюся молодость искусства, за его свежесть, против успокоенности и однообразия. Может быть, режиссеры и актеры, откликнувшись на эту статью, подскажут и другие пути?

Поговорите с мастерами ведущих столичных театров и вы убедитесь, что большинство из них судит трезво и очень хорошо понимает, что яркие спектакли редки и единичны, что они в лучшем случае отражают творческую манеру того или иного режиссера или успех отдельного актера, но не дают представления о лице театра.

Взгляните на афиши! Какой, например, спектакль текущего репертуара МХАТ может показать лицо этого прославленного театра так, как его представляли в свое время «Вишневый сад», «Три сестры», «На дне» или «Бронепоезд 14-69»? За последние годы достигнем здесь были только «Плоды просвещения», а такие спектакли, как «За власть Советов!», «Ломоносов», «Дермонтов», явно недостойны марки лучшего театра страны.

Много ли сейчас по-настоящему «ермоловских» спектаклей в текущем репертуаре театра имени Ермоловой? По-настоящему «вахтанговских» — в театре имени Вахтангова?

Когда разговариваешь с людьми, любящими театр, горячо переживающими его успехи и его болезни, слышишь самые различные пожелания. Одни говорят: мы хотим видеть театр большой трагедии, классической и современной. Почему иногда нельзя посмотреть сценическое воплощение античных трагедий, не идут в столице трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта», «Король Лир», «Макбет», шиллеровские «Разбойники», «Коварство и любовь», «Дон Карлос»? Не ставят театры «Бориса Годунова» Пушкина и его малые трагедии. Не обогащают свой репертуар современными трагедиями Вишневского, Сельвинского, О. Берггольц. Мы хотим, чтобы у нас был театр трагедии!

Другие мечтают о театре романтической драмы и высокой комедии, очищенных от мелочного бытовизма. Третьих, наоборот, больше тянет к бытовой драме и комедии и т. д., и т. д...

Различны вкусы наших зрителей, и они имеют право на то, чтобы находить удовлетворение своим самым широким и разнообразным запросам.

Мы поставили вопрос о студиях, как одной из форм борьбы с однообразием. Расширение границ жанров — тоже не раз оправдывавшая себя форма. Приведем пример. Долгое время считалось, что сатирические комедии Маяковского устарели. Успех «Бани» опроверг это заблуждение. Теперь ставят «Клопа». Вероятно, можно было бы найти интересное современное решение и для «Мистерии буфф». Жапоровое обогащение неизменно влечет за собой и поиски новой манеры в режиссерской трактовке, в игре актеров, в декоративном оформлении. Разнообразие жанров порождает и разнообразие стилей.

Что и говорить: форм борьбы за яркие, оригинальные, острые спектакли много. Нужно уметь находить их и пользоваться ими. Искать, дерзание, смелость — таковы неприменные условия духовной молодости искусства. Смелость, новаторство, спор — вот лозунг, который должен незримо лежать над занесом каждого театра.

Искусство должно быть молодым!

Ю. ГРАЧЕВСКИЙ.